

«Небурчиловское наследство» г. Иваново-Вознесенска

Наша работа посвящена, наверное, самому значительному эпизоду эндаументальной благотворительности в Иваново-Вознесенске – одном из крупнейших промышленных центров Российской империи начала XX в. На 1914 г. Иваново-Вознесенск – 15-й город Российской империи по численности населения (168,5 тыс. чел.), и первый – в Центральном Нечерноземье.¹ В городе имелось 67 крупных фабрик и заводов, на которых трудилось 29,8 тыс. рабочих, а сумма годового производства составляла 86,2 млн руб.² По объему промышленного производства на душу населения Иваново-Вознесенск превосходил Москву почти в три раза (511,5 руб. против 173,7 руб.). При этом городской бюджет составлял всего 285,9 тыс. руб. – всего на 41% больше, чем бюджет губернского города Владимира (202,3 тыс. руб.), численность населения которого была в 3,5 раза меньше (47 тыс. чел.). 27 апреля 1910 г. в городе скончался И.В. Небурчилов – скромный торговец, проживавший уединенно и почти неизвестный ивановскому обществу. Этот чудаковатый старик оставил огромный капитал – почти 2 млн руб., из которых более 1 млн должно было пойти на городские нужды. Непосредственное распоряжение этим огромным капиталом усопший предоставил душеприказчикам, в число которых вошли пятеро представителей городской буржуазной верхушки. Трещавший по всем швам городской бюджет получил огромное подспорье в виде «небурчиловского капитала».

Целью нашей работы является определение, с одной стороны, социально-психологических предпосылок небурчиловского пожертвования, а с другой – особенностей управления «небурчиловским наследством» в Иваново-Вознесенске. Это позволит прояснить некоторые особенности и выявить характерные черты как экономического положения, так и морально-этического облика иваново-вознесенского общества начала XX в. Для реализации этой цели необходимо, прежде всего, выяснить происхождения фамилии Небурчиловых и обстоятельства ее попадания в торгово-промышленную элиту Шуйского уезда, после чего исследовать этапы жизненного пути самого И.В. Небурчилова. Это позволит очертить социальный облик нашего героя и определить психологические мотивы его завещания. С другой стороны, нам предстоит детально проанализировать особенности управления душеприказчиками небурчиловским наследством в 1910-1917 гг. и выяснить, насколько успешным оказалось их управление столь внушительным благотворительным капиталом. Наконец, требует решения вопрос о «моральных последствиях» небурчиловского завещания в социальном климате Иваново-Вознесенска общества – как его буржуазной верхушки, так и пролетарских низов.

Крестьянин казенной д. Зименок Хрипелевской вотчины Нерехтского уезда Прокопий Савельев Небурчилов был причислен к шуйскому купечеству 3-й гильдии по указу Владимирской казенной палаты от 12 ноября 1828 г. Он дал подписку «жительство иметь с семейством в г. Шуе и без пашпорта не отлучаться, государственным и общественным повинности платить бездоимочно». К этому времени Прокопию Савельевичу было уже 72 года. Вместе с ним перешли в шуйское купечество его жена Акулина Васильевна, 69 лет, сын Василий, 35 лет, его жена Екатерина Ивановна, 38 лет и внук Василий Васильевич, 9 лет.³ Прокопий Савельевич скончался в возрасте 72 лет от «водяной болезни» 19 февраля 1830 г. и

¹ Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.). М., 1956. С. 110.

² Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 301.

³ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 21. Оп. 1. Д. 580. Л. 1-4.

был погребен на шуйском Троицком кладбище.⁴ Василий Прокопьевич Небурчилов впервые заявился в шуйское купечество 3-й гильдии в декабре 1830 г. с капиталом в 8 тыс. руб. В своем прошении он отмечал, что получил капитал после умершего «родителя» Прокопия Савельевича вместе с матерью.⁵ Согласно ревизской сказке апреля 1834 г., Василию Прокопьевичу и его жене Екатерине Ивановне было по 40 лет, а их сыну Василию Васильевичу – 15. Акулине Васильевне к тому времени исполнилось 74 года.⁶

Одновременно Небурчиловы приобретают недвижимость в Шуе – 9 октября 1830 г. жена Василия Прокопьевича, Екатерина Ивановна, за 1 тыс. руб. купила у мещанки Е.В. Пряхиной землю с деревянным флигелем на ней в 39-м квартале г. Шуи. «За неумением ее грамоте» руку к этой купчей приложил сын – Василий Васильевич.⁷ На этой земле был немедленно возведен двухэтажный каменный дом, ставший родовым гнездом Небурчиловых. В описи недвижимых имуществ шуйских жителей 1830 г. за Небурчиловым уже значится «дом каменной двозтажной» размером 32 на 16,5 арш. При нем располагался деревянный флигель (9 на 7,5 арш.), а также надворные хозяйственные постройки – амбар, баня, погреба, сарай и конюшня.⁸ Василий Васильевич Небурчилов женился 30 апреля 1839 г. на 16-летней дочери шуйского купца Анне Ивановне Корноуховой. Поручителями в браке выступили представители известных купеческих фамилий – кинешемский купец А.Н. Погодин, юрьевский и шуйский купеческие сыновья В.Е. Баранов и К.Е. Кокушкин. После смерти брата Анны Ивановны, Илариона Ивановича Корноухова, 24 марта 1842 г. его душеприказчики⁹ по мировой сделке, заключенной еще 7 января 1842 г., уступили Небурчиловой значительный участок земли в пустоши Дмитриевке рядом с селом Ивановым (будущая Дмитриевская слобода) на 1,5 дес. Но уже в мае 1843 г. Анна Ивановна продала ее за 1 тыс. руб. купеческой жене К.В. Меньшиковой.¹⁰ А в сентябре 1842 г. шуйский купец 3-й гильдии М.М. Зимин за 300 руб. заложил ей свой деревянный флигель в заречном квартале г. Шуи, и за аналогичную сумму – земельный участок в том же квартале (51 на 20 саж.).¹¹

Уже через год с небольшим после свадьбы Василия Васильевича и Анны Ивановны, 12 июня 1840 г. у них появился первый сын – Иван. Но прожил первенец недолго, скончавшись через четыре месяца, 10 октября 1840 г. Дочь Анна появилась на свет 21 ноября 1841 г., но прожила чуть более трех недель, скончавшись 10 декабря 1841 г. 8 марта 1843 г. на свет появилась третья дочь Василия Васильевича и Анны Ивановны – Александра. Ее жизнь сложилась намного более удачно – она вышла замуж за делового партнера отца, Е.А. Попова. Целому ряду их детей будет суждена весьма яркая и незаурядная судьба. Через два года, 17 марта 1845 г. года у Василия Васильевича появилась вторая дочь – Мария. Ну и наконец, 8 марта 1847 г. родился главный герой нашего рассказа – Иван Васильевич Небурчилов. Если крестными всех прежних детей Василия Васильевича были дед – В.П. Небурчилов и

⁴ Там же. Ф. 71. Оп. 2. Д. 54. Л. 175.

⁵ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 696. Л. 82; Там же. Д. 769. Л. 45; Там же. Д. 1115. Л. 9 об.-10; Там же. Д. 1626. Л. 11 об.-12.

⁶ Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 44. Л. 17 об.-18.

⁷ Там же. Ф. 83. Оп. 2. Д. 324. Л. 1-4.

⁸ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 694. Л. 35.

⁹ Купцы Г.П. Медведев (шуйский), Д.А. Бурылин (юрьевецкий), А.Г. Щербаков (ярославский).

¹⁰ Там же. Ф. 83. Оп. 4. Д. 150. Л. 8-9 об.; Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 2639. Л. 1-4 об.

¹¹ Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 2661. Л. 1-9 об.

купеческая жена О.И. Баранова (сестра А.И. Небурчиловой), то Ивана крестил также Василий Прокопьевич и другая представительница семейства Барановых – Анна Васильевна.¹²

После восстановления судоходства на Тезе в июле 1837 г. в Шуче начался настоящий «фабричный бум», которого не избежал и В.П. Небурчилов. В июне 1841 г. он приобретает общественную землю на р. Сехе по Ивановской дороге (на ней был выстроен деревянный дом), а в марте 1843 г. покупает у соседки, мещанки П.И. Мотоховой, усадебную землю на углу, на которой строит каменное фабричное заведение. Вскоре после этого Василий Прокопьевич повышает социальный статус: если в 1841 г. он еще значился купцом 3-й гильдии, то после строительства фабрики переходит во 2-ю гильдию. Первая жена Василия Прокопьевича, Екатерина Ивановна, скончалась на исходе весны 1842 г. Ее духовное завещание было составлено в апреле 1842 г., а объявлено мужем во Владимирскую палату гражданского суда лишь в августе 1843 г. А уже 12 февраля 1843 г. 48-летний Василий Прокопьевич женился вторично. Его избранницей стала 32-летняя Александра Федоровна Маракушева, дочь купца 2-й гильдии Ф.И. Маракушева.¹³

Таким образом, Василий Прокопьевич окончательно укрепился в шуйском купеческом мире, связав свою семью родственными связями с виднейшими представителями местной деловой элиты. Их первая дочь, Хиония, родилась уже 1 января 1844 г. 16 февраля 1845 г. у Василия Прокопьевича родился сын Константин (умер через четыре месяца, 3 июля 1845 г.) и наконец, 19 марта 1846 г. появился будущий продолжатель шуйской ветви Небурчиловых, сын Иван. Его крестными, как и старшей сестры Хионии, стали брат В.В. Небурчилов и купеческая жена М.В. Маракушева. 30 июня 1847 г. на свет появился его младший брат, Прокопий (на сей раз в качестве крестных выступили дядя младенца, П.Ф. Маракушев и его бабка, Матрона Афанасьевна). Впрочем, прожил он недолго, скончавшись 27 августа 1847 г. 13 августа 1848 г. у Небурчиловых появилась дочь Надежда, а 15 марта 1850 г. – еще один сын Прокопий.¹⁴ Василий Прокопьевич скончался 9 августа 1856 г. Завещание он составил еще за год до этого – 12 октября 1855 г., «при пожилых летах нередко бывая подвержен болезненным припадкам, и в таком ненадежном состоянии здоровья, вспоминая о смерти, что рано или поздно она посетит меня, как предел, уже неизбежный для каждого». Всю свою недвижимость, а также все движимое имущество (иконы, разные домашние и прочие вещи, скот, одежду, товары и денежные капиталы) он оставил своей жене, Александре Федоровне. Наделение наследством их детей он предоставлял ее доброй воле, выделив лишь сыну, Ивану Васильевичу, как благословение, фамильные иконы – образ Тихвинской Богоматери (в позолоченной ризе, украшенной жемчугом и камнями) и Боголюбской Богоматери (в серебряной ризе).¹⁵

Еще в 1848 г. Василий Васильевич торговал вместе с отцом,¹⁶ а уже в следующем году отделился от него, перечислившись в купечество 3-й гильдии г. Могилева. В своем завещании Василий Прокопьевич упоминал, что при отделении его сын был им «награжден вполне». 30 сентября 1848 г. он даже дал отцу отказную запись с условием «больше ни в какое имение мое не вступаться». А после возникновения Вознесенского посада в 1854 г. Василий Васильевич немедленно переходит в вознесенское купечество – он был причислен в вознесенские купцы

¹² Там же. Ф. 71. Оп. 2. Д. 7. Л. 110 об.-111, 131 об.-132, 145 об.-146, 160 об.-161, 174 об.-175, 180 об.-181, 238 об.-239, 304 об.-305.

¹³ Там же. Л. 193 об.-194

¹⁴ Там же. Л. 207 об.-208, 237 об.-238, 260 об.-261, 270 об.-271, 309 об.-310, 323 об.-324, 340 об.-341, 437 об.-438.

¹⁵ Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 572. Л. 6-7.

¹⁶ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 2426. Л. 3.

по указу Владимирской казенной палаты от 24 декабря 1854 г.¹⁷ На следующий год он объявил «благоприобретенный капитал» в 2400 руб., предоставив свидетельство о православном вероисповедании от священника Крестовоздвиженской церкви с. Иванова А.М. Лепорского.¹⁸ В обывательской книге Вознесенского посада 1857 г. отмечено, что он занимался ситцевой торговлей, собственности в самом посаде не имел, проживая в селе Иванове, выборных должностей не исполнял.¹⁹ Он имел небольшое производство в селе – при основании Вознесенской больницы для мастеровых и рабочих в 1861 г. Василий Васильевич внес деньги за 5 чел. своих рабочих.²⁰ Вплоть до 1863 г. он торговал по 3-й гильдии,²¹ а на 1864 г. записался уже во 2-ю гильдию по Вознесенскому посаду (с женой Анной Ивановной и детьми Александрой, 20 лет, Марией, 18 лет и Иваном, 16 лет).²² Посредническая торговля у Небурчилова шла весьма бойко, он успешно входит в элиту вознесенского купечества и перебирается на постоянное жительство в Москву – один из главных рынков сбыта ивановского ситца.

Об этом свидетельствуют материалы дела о наследстве ивановской крестьянки Федоры Ивановны Бурьиной. Она скончалась в марте 1870 г. в Москве. Еще 6 июня 1868 г. покойная дала В.В. Небурчилову «запродажную запись» на свой земельный участок в с. Иванове на Балаганной ул. (330 кв. саж.) и каменный дом с участком на Панской ул. (450 кв. саж.). Дом с участком включал двухэтажный корпус (верхний этаж отделан не был), каменный флигель без крыши и ветхие надворные постройки. Вся эта недвижимость была продана Небурчилову за 3 тыс. руб. Бурьиной она досталась от ее матери Александры Васильевны по купчим от 2 марта 1866 г. и 21 февраля 1868 г. Но сама А.В. Бурьиная считала эти документы недействительными, о чем от ее имени заявила в суд другая ее дочь – Татьяна Ивановна. В своем заявлении от 18 июля 1870 г. она недвусмысленно намекала, что никаких денег умершая от Небурчилова так и не получила, поскольку из «огромного капитала» в 3 тыс. руб. после ее смерти не осталось «ни одного гроша» – Небурчилов доставил в Иваново лишь ключи и платье покойной. Владимирский окружной суд на заседании 12 января 1871 г. взял сторону Бурьиной, отказав в иске Небурчилову. Но вскоре Александра Васильевна тоже скончалась и уже 3 декабря 1871 г. поверенный Небурчилова А.В. Михайлов просил описать имение покойной для продажи его «за долги моему доверителю».²³ Из материалов этого дела можно понять лишь, что большую часть времени Василий Васильевич проводил в Москве, занимаясь посреднической торговлей и ростовщичеством.

Ему удалось весьма удачно выдать замуж своих дочерей – старшая, Александра Васильевна, стала женой управляющего фабрикой Куваевской мануфактуры, Евграфа Александровича Попова, а младшая, Мария Васильевна, 16 января 1869 г. вышла замуж за вознесенского купца 1-й гильдии, Якова Константиновича Буркова. Для 48-летнего Буркова этот брак был уже вторым, и он был ровно вдвое старше своей невесты. Поручителями по новобрачным выступили брат жениха Иван, известный московский купец А.П. Гуськов, Сергей Ефимович Бубнов (отец будущего наркома просвещения РСФСР в 1929-1937 гг., А.С.

¹⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 1-4; Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 96. Л. 165 об.

¹⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 329-330.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 191 а. Л. 48 об.-49.

²⁰ Краткие исторические сведения об основании и развитии больницы для мастеровых и рабочих людей в Иваново-Вознесенске // Отчет по больнице для мастеровых и рабочих в г. Иваново-Вознесенске за 1910 г. Иваново-Вознесенск. 1911. С. 13-14.

²¹ ГАИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121. Д. 241-242; Там же. Д. 404. Л. 39-39 об.

²² Там же. Д. 497. Л. 168-168 об.; Там же. Д. 666. Л. 50-50 об.

²³ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 126. Л. 1-71.

Бубнова) и брат – 21-летний Иван Васильевич Небурчилов.²⁴ 28-летний нежинский грек Евграф Александрович Попов и 20-летняя Александра Васильевна Небурчилова сочетались браком 13 октября 1863 г. Поручителями по жениху выступил его брат, Николай Иванович, а также шуйский мещанин Г.А. Пономарев. Со стороны невесты в этой роли оказались ивановский крестьянин П.И. Суховский и купеческий внук Вознесенского посада А.И. Напалков.²⁵ Брак оказался весьма удачным – уже 1 октября 1865 г. у молодоженов появилась дочь Елизавета,²⁶ 16 сентября 1867 г. – дочь Анна, 20 августа 1868 г. – сын Александр, 1 декабря 1869 г. – дочь Анастасия,²⁷ 28 июня 1871 г. – сын Владимир, 20 мая 1873 г. – дочь Людмила,²⁸ 11 июня 1878 г. – сын Николай.²⁹ Иван Васильевич выступил крестником троих детей – Елизаветы, Анастасии и Николая, его отец Василий – дочери Анны, а сестра Мария – Елизаветы и Александра. Крестными других детей выступали лица из ближайшего круга семьи – со стороны Небурчиловых О.И. Баранова (тетка А.В. Небурчиловой), А.И. Корноухов (двоюродный брат А.В. Небурчиловой) и его жена Н.И. Коронухова, Я.К. Бурков (зять А.В. Небурчиловой), а со стороны Поповых – брат Евграфа Александровича Павел, Е.О. Куваева и Н.Х. Бурылина.

В результате брака Анны Васильевны и Евграфа Александрович образовалась прочная связь семейства Небурчиловых с Товариществом Куваевской ситценабивной мануфактуры, которая к началу XX в. вошла в число крупнейших предприятий Иваново-Вознесенска. Впрочем, на момент свадьбы Попова и Небурчиловой она представляла собой небольшое ситценабивное производство, ничем не выделявшееся в числе других подобных «заводов» в с. Иваново и Вознесенском посаде. Основателем этого предприятия был Яков Ефимович Куваев Иванович Куваев (1827-1867). В 1810 г. у ивановского крестьянина Я.И. Куваева имелось 3 стола для бумажной выбойки, трудилось 3 мастера и 3 подмастерья, выделялось 200 штук

т

к

а

н

и

н

а

3

5

0

0

²⁴ Там же. Ф. 89. Оп. 2. Д. 1. Л. 364 об.-365.

²⁵ Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 56. Л. 253 об.-254.

²⁶ Там же. Л. 450 об.-451.

²⁷ Там же. Д. 61. Л. 148 об.-149, 258 об.-259, 371 об.-372.

²⁸ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 28 об.-29, 220 об.-221.

²⁹ Там же. Оп. 1. Л. 100. Л. 245 об.-246.

³⁰ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 259. Л. 3 об.

³¹ Годинова И.В. Четверть создания Куваевской ситценабивной мануфактуры // Известия высших учебных заведений. Технические науки. Иваново. 2016. № 2. С. 215.

³² ГАИО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1416. Л. 3.

³³ Фабрика Вознесенского посада 2-й гильдии купца Харлампия Ивановича Куваева // Владимирские Губернские Ведомости. Часть неофициальная. 1865. № 48. С. 232.

р

е

м

а

торговцев».³⁴ Привлекало их и весьма развитое в торгово-промышленном отношении село Иваново Владимирской губернии. Нежинский грек Д.И. Спиридонов (вместе с купцами А.А. Лепетовым, А.В. Бабуриным и И.Д. Киселевым) стал одним из основателей первой слободы на левом берегу Уводи, напротив с. Иванова – Воробьевской (позднее – Ильинской).³⁵ В августе 1816 и январе 1818 гг. он приобрел два земельных участка у владелицы с. Воробьева Е.А. Барсуковой.³⁶ В 1830-х гг. именно Д.И. Спиридонов стал первым «мануфактур-корреспондентом», собиравшим по предложению владимирского губернатора «местных и окрестных купцов и фабрикантов для обсуждения различных вопросов, касающихся фабричной промышленности и торговли».³⁷ Таким образом, нежинские греки в первой половине XIX в. играли важнейшую роль в торгово-промышленном развитии с. Иванова и левобережных слобод, оформившихся в 1854 г. в Вознесенский посад.

Промышленный взлет предприятия Х.И. Куваева приходится на рубеж 1860-1870-х гг., когда оно после его смерти с 1867 г. перешло в управление его жены Екатерины Осиповны, а с 1874 г. – в управление ее зятя Николая Геннадьевича Бурьлина, мужа ее дочери и наследницы Х.И. Куваева, Надежды Харлампиевны. Уже к 1874 г. сумма производства возросла до 278 тыс. руб., к 1880 г. – до 683 тыс. руб., к 1886 г. – до 955 тыс. руб. (697 рабочих), а к 1890 г. – до 4447 тыс. руб. (1227 рабочих). К 1902 г. годовой объем производства на Куваевской мануфактуре составлял почти 11 млн руб., на предприятии работал 1981 чел.³⁸ Активным участником этого процесса оказались Е.А. Попов и его шурин, И.В. Небурчилов. 30-летний Иван Васильевич Небурчилов отделился от отца в 1877 г., получив собственный капитал, и заявился по 2-й гильдии в иваново-вознесенское купечество. Уже в марте следующего 1878 г. он приписался в московское купечество. Проживал Иван Васильевич в Иваново-Вознесенске, занимался торговлей мануфактурным товаром, а в Москве собственного дома не имел, останавливаясь по адресу: Городская часть, 1 кв., дом Спиридонова.³⁹ С 1881 г. в справочниках отмечалось, что он торговал мануфактурным товаром в Ветошном ряду.⁴⁰ По данным 1885 г., он проживал в Армянском переулке Мясницкой части. После десятилетней московской торговли, в январе 1887 г. Иван Васильевич вновь записался в иваново-вознесенское купечество.⁴¹ Очевидно, весь этот десятилетний период Иван Васильевич являлся торговым агентом предприятия Куваевых в столице.

Куваевское фабричное производство в этот период стремительно расширяется – число печатных машин увеличивается до восьми, строится новая фабрика стоимостью 1312 тыс. руб.

³⁴ Чернухин Е.К. Греки Нежина и торговое мореходство: постановка проблемы и источники // Грецьке підприємництво і торгівля у Північному Причорномор'ї XVIII-XIX століття: збірник наукових статей. Київ, 2012. С. 251.

³⁵ ГАИО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 56. Л. 1 об.-2.

³⁶ Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 1365. Л. 1-1 об.; Там же. Д. 1439. Л. 1-1 об.

³⁷ Гарелин Я.П. Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад. Ч. 2. Шуя, 1885. С. 15

³⁸ Глебов Ю.Ф., Соколов В.М. История фабрики Большой Ивановской мануфактуры. Иваново, 1952. С. 29-30.

³⁹ Справочная книга о лицах, получивших на 1878 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве М., 1878. С. 193.

⁴⁰ Справочная книга о лицах, получивших на 1881 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве М., 1881. С. 200. Справочная книга о лицах, получивших на 1882 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве М., 1882. С. 200. Справочная книга о лицах, получивших на 1883 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве М., 1883. С. 190. Справочная книга о лицах, получивших на 1884 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве М., 1884. С. 183. Справочная книга о лицах, получивших на 1885 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве М., 1885. С. 180. Справочная книга о лицах, получивших на 1886 г. купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве М., 1886. С. 193.

⁴¹ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5986. Л. 83 об.-84.

С 1 января 1887 г. учреждается паевое товарищество с основным капиталом в 1 млн руб., в котором ведущую роль играли владельцы предприятия – Н.Х. Бурылина имела 300 паев, а Н.Г. Бурылин – 186 паев из 500. Ими были приглашены к участию: Е.А. Попов и В.А. Щеколдин (по 5 паев), а также Н.Е. Бакулин, Н.А. Щеколдин, Д.Г. Бурылин и В.А. Коновалов (по 1 паю).⁴² Таким образом, Евграф Александрович являлся одним из первых лиц Товарищества, игравших виднейшую роль в его бурном росте. Доверенностью от 2 апреля 1887 г. Е.А. Попов был уполномочен «заведывать и распорядиться торговыми делами Товарищества, производящимися в Москве». Попов имел право управлять торговлей московского амбара Товарищества, нанимать и увольнять служащих, арендовать помещения для складов, продавать и покупать товары за наличные деньги и в кредит, принимать заказы на обработку изделий, получать имущество, обязательства, ценные бумаги, деньги и векселя, открывать текущие счета в банках и подписывать чеки.⁴³ Попов постоянно проживал в Москве, поэтому на собрания пайщиков в Иваново-Вознесенске практически не являлся, адресуя свой голос главе Товарищества – Н.Г. Бурылину (кроме двух первых собраний пайщиков в марте 1887 и 1888 г., Попов присутствовал лишь на собрании 16 ноября 1889 г.).⁴⁴ При этом Бурылин являлся директором Правления, а Попов – кандидатом в директора, то есть фактически вторым лицом в Товариществе. Этот пост он занимал до 1899 г., когда его сменил С.А. Щеколдин.⁴⁵ С этого времени Евграф Александрович отходит от участия в делах Товарищества, а вскоре и продает свой пай Н.Г. Бурылину.

О торговой деятельности И.В. Небурчилова с конца 1880-х гг. – на протяжении более 20 лет – мы сведений практически не имеем. Выяснению его деловых и родственных связей должен помочь анализ текста знаменитого завещания Ивана Васильевича Небурчилова. Оно было оформлено 17 марта 1910 г. Нотариус И.К. Невский был приглашен для этого в дом Селивановской на Панской ул. (ныне – ул. Маяковского, 9). Свидетелями стали крестьяне д. Себерной М.В. Богатов, с. Тейкова В.К. Макарин и с. Парского Г.Г. Щукин. По этому завещанию хозяйка дома, в котором проживал Небурчилов, О.А. Селивановская, получила 100 тыс. руб. Сестра Небурчилова, Мария Васильевна Буркова, его крестницы Елизавета Евграфовна Цветаева и Анастасия Евграфовна Архангельская получили по 50 тыс. руб., такая же сумма была завещана племянницам Небурчилова Марии Яковлевне Ладыженской и Людмиле Евграфовне Тиховой. Племянники Небурчилова Владимир, Николай, Сергей и Александр Евграфовичи Поповы получили по 25 тыс. руб. Капитал в 300 тыс. руб. государственными процентными бумагами вкладывался в одно из кредитных учреждений «для выдачи получаемых с них процентов беднейшим из служащих и рабочих» Куваевской мануфактуры в Иваново-Вознесенске, либо служащим того же предприятия, утратившим работоспособность «за старостью и болезнью». Выдача процентов должна была ежегодно производиться Правлением Куваевской мануфактуры по праздникам св. Пасхи и Рождества Христова. Остальной капитал Небурчилов отказывал Иваново-Вознесенску «на устройство моего имени лечебных учреждений и на их обеспечение, а также на учреждение стипендий «в местных учебных учреждениях по назначению душеприказчиков». Последними назначались виднейшие представители делового мира «русского Манчестера»: купец Николай Геннадьевич Бурылин (глава Куваевской мануфактуры), мануфактур-советники Александр Иванович

⁴² Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 111. Л. 1 а об.-1.

⁴³ Там же. Д. 116. Л. 6-6 об.

⁴⁴ Там же. Д. 111. Л. 3-3 об., 8 об.-9.

⁴⁵ Там же. Л. 17 об., 22 об.

Гарелин и Сергей Николаевич Полушин и потомственные почетные граждане Николай Николаевич Зубков и Дмитрий Геннадьевич Бурьлин.⁴⁶

Остальные наследники Небурчилова принадлежали к семействам двух его сестер – Марии Васильевны Бурковой и Александры Васильевны Поповой. Сама Мария Васильевна, а также ее дочь Мария Яковлевна Ладыженская получили по 50 тыс. руб. (отец Марии Яковлевны, Я.К. Бурков скончался 6 июля 1895 г.). Отметим, что проживали сестра и племянница Небурчилова в знаменитом особняке К.Д. Буркова (ул. Пушкина, 29/12), в котором в 1900 г. родилась известная французская писательница Натали Саррот (Н.И. Черняк).⁴⁷ Остальные капиталы получили дети Евграфа Александровича Попова (их мать, Александра Васильевна скончалась почти за три десятилетия до этого). По 50 тыс. руб. получили племянницы Небурчилова – Елизавета, Анастасия и Людмила (первые две были еще и его крестницами). Все они оказались людьми замечательной судьбы. Елизавета Евграфовна Попова стала женой знаменитого историка Дмитрия Владимировича Цветаева (1852-1920), управляющего Московским архивом Министерства юстиции, а соответственно – теткой знаменитой поэтессы М.И. Цветаевой (1892-1941). Анастасия Евграфовна Попова (1869-1947) стала женой известнейшего историка древнерусской литературы, профессора, члена-корреспондента Академии наук А.С. Архангельского (1854-1926). Не менее знаменит и супруг Людмилы Евграфовны Поповой (1874-1956). Гавриил Андрианович Тихов (1875-1960) – в будущем известнейший астроном, член-корреспондент Академии наук, с 1897 г. готовил будущую жену к поступлению в заграничный университет, а в апреле 1898 г. стал ее мужем. Людмила Евграфовна стала верным спутником жизни выдающегося ученого, работала астрономом-наблюдателем в Пулковской обсерватории. Из трех племянников Ивана Васильевича, получивших по его завещанию по 25 тыс. руб., самым известным оказался Николай Евграфович Попов (1878-1929) – человек необычной и замечательной судьбы, знаменитый российский летчик и воздухоплаватель. Незадолго до смерти Небурчилова, 13 декабря 1909 года он совершил свой первый самостоятельный вылет на аэроплане «Райт» (на аэродроме Жювизи под Парижем), а 27 марта 1910 г. получил первый приз и диплом пилота-авиатора на авиационных соревнованиях в Каннах. Вскоре, в конце апреля 1910 г. на первой авиационной неделе в Петербурге он установил рекорд высоты (600 м).⁴⁸

Неожиданно малые пожертвования получили церковные общины: «на поминание самого Небурчилова и его родственников» в иваново-вознесенские церкви Владимирской женской общины и Введенскую было отказано по 10 тыс. руб. А вот Крестовоздвиженская церковь, где Небурчилов числился прихожанином, не получила ничего. Справедливость пришлось восстанавливать душеприказчикам: в сентябре 1910 г. они внесли в Иваново-Вознесенское отделение Государственного банка вклад в 5 тыс. руб. на имя Крестовоздвиженской церкви: половина процентов с него должна была поступить в пользу церкви, а половина – в пользу ее причта.⁴⁹ А вскоре вклад был увеличен вдвое – на заседании городской Думы 23 ноября 1910 г. глава душеприказчиков Н.Г. Бурьлин заявил, будто «близкие к Небурчилову люди уверяли его, что тот выражал сожаление, что не внес в завещание такого же назначения в Крестовоздвиженскую церковь, как в другие». Две другие ивановские церкви, напомним, получили капитал размером в 10 тыс. руб., и Дума приняла решение увеличить до

⁴⁶ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 289. Л. 125-127.

⁴⁷ Тихомиров А.М. Иваново. Иваново-Вознесенск. Путеводитель сквозь времена. Иваново, 2011. С. 131.

⁴⁸ О нем см.: Сашонко В.Н. Коломяжский ипподром: документальная повесть о русском авиаторе Н.Е. Попове. Л., 1983.

⁴⁹ ГАИО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 569. Л. 6-6 об.

той же суммы и капитал приходской церкви, на кладбище которой упокоился Небурчилов.⁵⁰ Памятник ему был заказан городскими властями: 10 сентября 1910 г. Дума приняла решение «в знак глубокой признательности за щедрый дар городу» поставить памятник на могиле И.В. Небурчилова за счет городского общества, ассигновав на это 5 тыс. руб. Заупокойная литургия и панихида по усопшему состоялась в день его памяти (20 марта 1911 г.) в Крестовоздвиженской церкви. А памятник был возведен лишь через два года. 12 декабря 1912 г. в управу были представлены две редакции надписей на памятнике над могилой покойного: «Ивану Васильевичу Небурчилову от благодарных граждан Иваново-Вознесенска» и «Памятник сей сооружен над могилой Ивана Васильевича Небурчилова благодарными гражданами г. Иваново-Вознесенска». Городскими властями был избран первый вариант, и памятник с такой надписью появился на кладбище через три года после смерти благотворителя: он был освящен 21 апреля 1913 г. после литургии и панихиды в Крестовоздвиженской церкви. На установку была истрачена относительно небольшая сумма в 2719 руб.⁵¹

При погребении Небурчилова замечательную речь сказал священник Крестовоздвиженской церкви Александр Иванович Охотин. Он отмечал, что его прихожанин «жил в последние годы простым частным скромным обывателем». По его словам, Небурчилов, «зарабатывая честным трудом значительные средства, не увлекался современной роскошью, не позволял себе никаких излишеств, не расходовал попусту и на ветер денег, но довольствовался только самым необходимым». Подобные черты обыватель нередко принимает за жадность и осуждает, но Небурчилов «копил и берег средства» вовсе не по скупости, «а из желания после своей смерти облагодетельствовать наш город и служащих одной фабрики». Таким образом, окружавший Небурчилова в последние годы образ «скупого старца» рассеивался – «он лишал себя многого потому только, что сознавал, что всякий даром израсходованный рубль может быть впоследствии употреблен на благо ближних». Внушительная сумма, завещанная усопшим Иваново-Вознесенску, по мнению священника, «была бы заметна не только в нашем незначительном городе, но даже и в столице». Небурчиловская жертва была тем важнее для растущего фабричного центра, что он «имел много самых существенных и неотложных нужд», которые никак не могли быть удовлетворены даже «с большим обременением обывателей». Небурчиловский же миллион «при разумном использовании может далеко подвинуть вперед благоустройство города». Не меньшим было, по мнению Охотина, и нравственное значение пожертвования: «Всемирно известно, какое отношение существует у фабричных, а особенно в последние годы, к богачам и капиталистам. Зависть, злоба и ненависть». Он полагал, что жест Небурчилова позволит рабочим понять – «богачи заботятся не только о себе, но думают и о них, думают в самые последние дни своей жизни – перед смертью, оставляют на их пользу все свое богатство». Это осознание, по его мысли, должно было стать «средством к примирению бедных с богатыми».⁵²

Напрасные надежды... Не менее бесплодными были и надежды Охотина на «положительный пример» Небурчилова для других городских толстосумов – свой капитал они рассчитывали завещать отнюдь не обществу, а своим чадам, в отличие от бездетного Небурчилова. К слову, в первые годы по смерти завещателя фабричные рабочие Куваевской мануфактуры получали в качестве пособий на Рождество и Пасху менее половины процентов

⁵⁰ Там же. Л. 14-14 об.

⁵¹ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 569. Л. 67, 200-202; Там же. Д. 570. Л. 17; Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1303. Л. 69 об.-70.

⁵² Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 289. Л. 128-129 об.

от небурчиловского капитала: в декабре 1911 г. и марте 1912 г. Правлением Куваевской мануфактура им было выдано пособий на 4446,5 руб., тогда как годовых процентов с капитала получено 10714,7 руб. Та же картина наблюдалась и в следующем году – в декабре 1912 г. и апреле 1913 г. – рабочие получили всего 4721,5 руб. (при годовом проценте в 13613,7 руб.). Положение изменилось после начала Первой Мировой войны – в декабре 1913 г. и апреле 1914 г. рабочие получили 5140,6 руб. пособий из небурчиловского капитала (доходность которого сильно упала – до 8752,5 руб.). Следствием резкого роста цен в военные годы стало изменение тенденции наблюдавшейся прежде – в следующие три года суммы пособий, выплаченных рабочим руководством фабрики, немного превышали годовую доходность небурчиловского капитала. В декабре 1914 г. и марте 1915 г. рабочим было выдано 9319,9 руб. (процентов за этот год было начислено 8575,8 руб.), в декабре 1915 г. и апреле 1916 г. – 12478,4 руб. (процентов начислено 11477,8 руб.), в декабре 1916 г. и апреле 1917 г. – 14984,5 руб. (процентов начислено 14208,25 руб.).⁵³ Таким образом, только экстренная военная ситуация заставила фабрикантов увеличить рабочим выплаты из процентов с небурчиловского капитала, до 1914 г. на пособия расходовалось менее половины суммы, полученной в качестве годового процента.

Итак, Иван Васильевич Небурчилов скончался 27 апреля 1910 г., спустя чуть более месяца после составления своего знаменитого завещания, в возрасте 63 лет. Разумеется, весть о диковинном завещании вскоре разнеслась не только по Иваново-Вознесенску, но и по всей стране. На нее откликнулись даже «Московские ведомости». В статье неизвестного автора от 9 мая 1910 г. Небурчилов именовался «одним из виднейших представителей ситцевого царства, принимавшим самое близкое и деятельное участие в развитии ситценабивного и печатного дела в русском Манчестере». Его относили к числу «ветеранов», создававших ивановские предприятия и в конечном итоге, сформировавших Иваново-Вознесенск как «крупнейший в России фабричный центр». Небурчилов якобы «оставил по себе добрую память своим сердечным отношением к меньшей братии – фабричным рабочим». Не забыл он их и по смерти, отказав в их пользу капитал 300 тыс. руб. Еще 500 тыс. руб. им было якобы пожертвовано на устройство больницы «для тех же рабочих», и не менее 1 млн – «на благоустройство Иваново-Вознесенска». Автор был уверен, что Небурчилов «очень желал устроить в городе водопровод, так как вода протекающей здесь р. Уводи совсем загрязнена фабричными отбросами и вредна для употребления». Он явно был не слишком осведомлен о ситуации и выдавал желаемое за действительное: больница должна была строиться как раз на 1 млн, оставшийся городу на благотворительные цели, а о водопроводе ни слова в завещании не было (хотя дискуссии о его строительстве в Иваново-Вознесенске шли уже не первый год).

Ну и самое главное – Небурчилов точно не входил в число «ситцевых королей» Иваново-Вознесенска. Жил он уединенно, снимал приличную, но отнюдь не шикарную квартиру (свидетелями при оформлении завещания стали его соседи – лица, не принадлежавшие даже к среднему городскому классу). Недвижимости в городе Небурчилов давно не имел. В раскладочной ведомости 1892 г. за ним обозначен деревянный дом, каменная палатка и флигель на Куваевской Задней ул. (ныне – ул. Садовая, район детсада № 15),⁵⁴ но к 1899 г. эта скромная недвижимость была им продана. Даже назначенный первым душеприказчиком глава Куваевской мануфактуры Н.Г. Бурьлин, хоть и знал усопшего, но явно не слишком близко, и в последние годы с ним не общался. Когда два года спустя после смерти

⁵³ Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1384. Л. 3 об.-4, 11 об.-12, 17 об.-18, 22 об.-23, 25 об.-26, 39 об.-40.

⁵⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6387. Л. 83 об.-84.

Небурчилова брат Николая Геннадьевича Дмитрий, также один из душеприказчиков, начал сбор биографических материалов о выдающихся деятелях г. Иваново-Вознесенска, ему практически ничего не удалось выяснить о Небурчилове (за исключением того, что некоторое время он входил в Правление Куваевской мануфактуры). И.Ф. Токмаков, занимавшийся сбором биографических материалов для книги «История Иваново-Вознесенска», перенес в свою справку о Небурчилове сведения (как мы помним, весьма неточные) из «Московских ведомостей», и их пришлось корректировать по «устным источникам». Но Н.Г. Бурьлин знал лишь о том, что Небурчилов принимал в свое время «деятельное участие в сбыте мануфактурного товара в Иваново-Вознесенске, в особенности с фабрики Куваевской мануфактуры». В последнее время он жил на покое. По его словам, Небурчилов «был всегда так скромнен и не выделялся ни на каких собраниях», что казался мало знавшим его людям «мелким торговцем».⁵⁵ Похороны умершего состоялись 30 апреля 1910 г. и своей пышностью далеко не соответствовали скромному прижизненному статусу усопшего – на них по «траурным билетам» было приглашено 200 чел. За труды на отпевании 315 руб. получили 12 собравшихся на похороны священников, 95 руб. – 6 диаконов, 65 руб. – 7 псаломщиков, 175 руб. – певчие Крестовоздвиженской церкви, 94 руб. – певчие монастырского храма. Похоронному бюро И.И. Митрофанова было уплачено 596 руб., на облачения истрачено 800 руб., на свечи – 177 руб., на цветы – 138 руб. Место для могилы и ее освящение обошлись еще в 1150 руб., 450 руб. было роздано в качестве милостыни в богадельни. Поминальный обед проводился в Новом клубе приказчиков (ул. Палехская, д. 1/2), стоимость его составила 1450 руб. (кушанья были заказаны у известного ресторатора Ф.И. Шорыгина). Он же обеспечивал поминальный обед на сороковины (обошедшийся вдвое дешевле – в 700 руб.).⁵⁶ Всего на похороны Небурчилова и поминальные мероприятия в 1910 г. была израсходована весьма

в
н
Соответственно, возникает вопрос об источниках небурчиловских миллионов. Первый из них указать нетрудно – это ростовщичество. Всего по описям, произведенным судебными приставами в Иваново-Вознесенске 28 апреля и в Москве 3-4 мая 1910 г. в составе наследства Небурчилова значилось наличных денег 19209,5 руб. (по вкладу в конторе В.А. Авдеева), процентных бумаг в Московском обществе взаимного кредита на 1832,26 тыс. руб., по векселю от Товарищества мануфактур А.Г. Щербакова – 50 тыс. руб., и по 4 закладным – 7250 руб. (две закладных на 1500 руб. были выданы Д.С. Потепалову, одна – на 5 тыс. руб. сестре Небурчилова М.В. Бурковой и одна на 750 руб. – А.Е. Миловидовой).⁵⁷ В деле о завещании Небурчилова сохранились сведения о двух его должниках. 6 ноября 1900 г. в конторе ивановского нотариуса М.В. Наумова была совершена закладная по займу от Небурчилова И.Т. Соколову 1 тыс. руб. из 6% годовых. В залоге у Небурчилова оказалась земля с постройками на Покровской ул. Расчет по этой закладной был произведен 1 декабря 1907 г.⁵⁸ А вот другой должник полного расчета не произвел. Плесский мещанин Д.С. Потепалов 23 января 1905 г. занял у Небурчилова 1 тыс. руб. на 4 года под 7%, а 12 сентября 1906 г. – такую же сумму на 3 года. В залоге оказался участок земли по Соковской ул. в 121 кв. саж. с постройками (два деревянных флигеля и надворные постройки). Это имение было куплено Потепаловым у мещанина И.Ф. Полушина 26 января 1905 г. Таким образом, обе ссуды были даны под покупку недвижимости, которая на рубеже XIX-XX вв. шла нарасхват в

⁵⁵ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 289. Л. 124-124 об.

⁵⁶ Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1532. Л. 9, 19 об.; Там же. Д. 1303. Л. 14 об.-18 об.

⁵⁷ Там же. Д. 1532. Л. 1-2

⁵⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 570. Л. 64-65.

стремительно растущем Иваново-Вознесенске. Вот только расплатиться Потепалову так и не удалось – всего им было выплачено 1885 руб. 25 января 1912 г. он обратился в городскую Думу с просьбой сложить с него оставшийся долг. Потепалов уверял, что Небурчилов по случаю его нужды сам предложил дать ему денег, потому что он работал на него в течение 12 лет. Если бы ему стало известно, что работодатель во время своей болезни приехал в Иваново-Вознесенск, он немедленно явился бы к нему лично и «наверное», получил бы прощение долга за обещание «вечно поминать» благодетеля, но полагал «что он лежит в Москве». В связи с этим он просил городские власти сложить с него долг «в память почившего», жалуясь на ухудшение работы, которая «збита множеством магазинов». Имение он купил ветхое, постоянно требующее ремонта, семья состояла из 7 чел., «дети подросли, и хочется их поучить». Он полагал, что Небурчилов просто забыл о его долге, «а то бы он простил». А вот власти оказались не столь благосклонны к просителю. 10 апреля 1912 г. Думой было принято решение рассрочить долг 700 руб. на 4 года по 175 руб.⁵⁹

Естественно, эти мизерные займы не составляли главного источника небурчиловских капиталов. Но мелкое ростовщичество предполагает и выдачу более крупных займов, доход с которых мог быть уже более значительным (об этом свидетельствует вексель на 50 тыс. руб. кохомской фирме А.Г. Щербакова). Кроме того, заявление Потепалова свидетельствует, что в последние годы Небурчилов значительную часть жизни проводил в Москве и вряд ли серьезно интересовался насущными проблемами Иваново-Вознесенска. Поэтому в завещании назначение огромного пожертвования городу определено крайне обще и фактически, отдано «на откуп» душеприказчикам, гораздо лучше осведомленным о нуждах города. В связи со всеми этими обстоятельствами возникает важный вопрос – о скопчестве Небурчилова. Станный старик, малоизвестный городскому деловому миру, ведущий скромную незаметную жизнь, проживающий большей частью в Москве, не владеющий промышленными предприятиями, вдруг жертвует городу огромную сумму. Поневоле задумаешься об источниках ее накопления. А главное – о причинах странного безбрачия благотворителя. В тот время наличие семьи для взрослого дееспособного мужчины было практически обязательным. Отсутствие ее намекало на некие умственные или физические недостатки. Жена являлась определенным маркером общественной дееспособности мужчины любой социальной группы. Иван Васильевич, как известно, ни жены, ни детей не имел. В этой связи любопытным представляется указание известного журналиста того времени И.А. Волкова на скопчество «шуйской фамилии Небурчиловых». В статье 1928 года он писал: «Я помню одного из этих небурчиловских скопцов-изуверов. Это был (не помню теперь его имя) огромного роста мужчина, могучего телосложения и с каким-то бабьим дряблым лицом, и к тому же он имел чисто бабий, визгливый и тонкий голос. Говорят, что его ещё в ранней молодости кастрировали

а В «шуйской фамилии Небурчиловых» к началу XX в. (а Волков уехал в Ярославль в 1905 г.) было всего трое мужчин – дядя и полный тезка «нашего» Ивана Васильевича, также Иван Васильевич Небурчилов имел жену Анну Ивановну (р. 1860*) и детей – Зинаиду (р. 1881*), Николая (р. 1882*) и Алексея (р. 1886*).⁶¹ На роль «огромного роста мужчины с дряблым лицом» не подходит ни один из них – Николай и Алексей Ивановичи были явно молодые для типа, описанного Волковым. Так что речь в его заметках, несомненно, идет именно

⁵⁹ Там же. Д. 569. Л. 100, 103, 104, 125-130.

⁶⁰ Волков И.А. Ивановские сектанты // Литературно-иллюстрированное приложение к «Рабочему краю». 1928 № 1. С. 24-25.

© ГАИО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1239. Л. 6 об.; Там же. Д. 1256. Л. 84-84 об.; Там же. Д. 1392. Л. 12.

об иваново-вознесенском Небурчилове – Иване Васильевиче. Не будем здесь повторять известных всем легенд об огромном могуществе и несметных богатствах секты скопцов. Отметим лишь, что после указа 1842 г. о назначении каторги за скопчество постепенно начинается упадок движения, которое с 1860-х гг. «перестает быть массовым и жизнепособным явлением».⁶² Что касается Василия Васильевича, то он приобщился к скопчеству, вероятно, в 1850-х гг. в Иванове или Москве. С этим связано прекращение пополнения его семейства и странная история безбрачия единственного сына – Ивана Васильевича.

Завещание И.В. Небурчилова было утверждено Владимирским окружным судом 8 июля 1910 г. 7 сентября 1910 г. душеприказчики докладывали в Думу, что «за выдачей 770 тыс. руб. разным лицам» на городские нужды осталось 972,5 тыс. руб. (всего номинального капитала было 1899,7 тыс. руб., но ценность процентных бумаг оказалась ниже их номинальной стоимости). Все эти средства были помещены в Московский учетный банк. В обширном докладе душеприказчиков от 22 ноября 1910 г. впервые были изложены предназначения почти миллионного капитала, отказанного на городские благотворительные учреждения. Было предположено со следующего года учредить 16 стипендий имени завещателя в городских учебных заведениях: по 2 стипендии размером по 2 тыс. руб. в средних (реальном училище, женской и мужской гимназиях и школе колористов) и по 2 стипендии размером по 1 тыс. руб. в низших (механико-техническом училище, торговой школе, шестиклассном и четырехклассном училищах). Также планировалось строительство Небурчиловской богадельни – 40 тыс. руб. предназначалось на постройку и такая же сумма уходила в число «неприкосновенного капитала», проценты с которого должны были обеспечивать содержание богадельни. На оставшиеся деньги предполагалось построить детскую и заразную больницы. Душеприказчики просили городские власти выделить участок земли для богадельни по Всесвятской ул. (ныне – ул. Ермака, 47), а для больниц – близ Благовещенской единоверческой церкви (ныне – ул. Парижской Коммуны). В Думу также был представлен проект постройки богадельни.⁶³

Это предложение рассматривалось городской Думой 23 ноября 1910 г. и было найдено «отвечающим столько же воле завещателя, сколько и интересам городского населения». Для постройки богадельни было решено предоставить вторую половину участка, первая часть которого уже была отведена под строительство приюта для слепых им. М.А. Скобенниковой (общий размер – 1575 кв. саж.). Для постройки больниц был отведен участок до 5 дес. в том месте, о котором ходатайствовали душеприказчики.⁶⁴ Строительство богадельни оказалось самым несложным делом из числа задуманных душеприказчиками. Проект ее устава был представлен городским властям 5 марта 1911 г., а одобрен Думой уже через три дня, на заседании 8 марта. Предназначалась она «для призрения престарелых лиц обоего пола, не имеющих средств к жизни и неспособных по старости и физическим недостаткам к труду, преимущественно из уроженцев Иваново-Вознесенска». Планировалось содержать при ней до 70 чел., но число это корректировалось в зависимости от имеющихся средств председателем Благотворительного общества, на баланс которого она передавалась после окончания строительства. При этом городские власти оставляли за собой право в случае «существенных упущений или неправильных действий» изъять управление богадельней из его ведома.

⁶² Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1985. С. 364.

⁶³ ГАИО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 569. Л. 5-6 об.

⁶⁴ Там же. Л. 12-14, 21.

Питомцам богадельни бесплатно предоставлялось отопление, освещением, стол и «все необходимое». В случае болезни они переводились в одну из городских больниц. Прием и исключение питомцев осуществлялся Правлением Благотворительного общества. Ежегодно в день памяти и кончины И.В. Небурчилова (20 марта и 27 апреля) в богадельне совершались панихиды в его честь.⁶⁵

Закладка этого здания состоялась 15 мая 1911 г. после панихиды по Небурчилову, совершенной в Спасской церкви, а уже через неполный год, 27 апреля в 1912 г. законченное здание богадельни было принято у подрядчика городским общественным управлением.⁶⁶ Непосредственно за строительством богадельни наблюдали А.И. Гарелин и Н.Н. Зубков, архитектором выступил С.В. Напалков, получивший за составление проекта 200 руб. Внутреннее оборудование богадельни началось в середине февраля 1912 г., когда Гарелин и Зубков получили на эти цели 1393 руб. из годовых процентов «богаделенного капитала» в 40 тыс. руб.⁶⁷ Общая сумма, истраченная на строительство, составила 45578 руб., причем часть денег (4078 руб.) была уплачена А.И. Гарелиным из собственного кармана и позднее возвращена ему душеприказчиками.⁶⁸ Здание было 2-этажным: на первом располагалось 9 комнат для питомцев, ватер-клозет, умывальная, кухня, комната прислуги и покойницкая, а на втором – также 9 комнат, ватер-клозет и умывальная, зал и комната заведующей. Для обсуживающего персонала был построен флигель каменный одноэтажный флигель во дворе (4 комнаты и ватер-клозет). Также имелось одноэтажное каменное здание для служб: 2 погреба, баня, дровяной навес, хлев и птичник, сушилка для белья. Все помещения имели электрическое освещение. В новопостроенное здание были переведены питомцы богадельни Благотворительного общества, а первым «новичком» стал А.Е. Рыбаков 83 лет, принять которого 2 мая 1912 г. просила у Благотворительного общества городская управа.⁶⁹ Богадельня была принята городским общественным управлением у Благотворительного общества 27 февраля 1917 г. В ней оказалось 52 женщины и 14 мужчин (отмечалось, что число питомцев можно довести до 90 чел.). Обсуживали их пять человек: экономка М.П. Селевина, кухарка М.П. Волкова, две няни и дворник. При этом жалование экономки составляло 50 руб., а кухарки и няnek – по 20 руб. в мес. «при готовом столе и квартире».⁷⁰

Правила о небурчиловских стипендиях были разработаны уже в ноябре 1910 г., но городской властью утверждены лишь 11 марта 1911 г. Стипендиаты выбирались педагогическим советом и представлялись попечительством на утверждение Думы. При этом право претендовать на стипендию имели лишь только «лучшие ученики из беднейших уроженцев г. Иваново-Вознесенска». Проценты с капиталов, выделенных на стипендии, предназначались для взноса платы за право обучения, а при наличии остаточных сумм, они могли выдаваться стипендиатам в качестве пособия. При этом первое заявление на получение стипендии им. И.В. Небурчилова последовало уже 3 декабря 1910 г. В.А. Лейкина просила стипендии продолжение образования ее детям: 13-летний Петр обучался в реальном училище, а 12-летний Андрей и 9-летняя Екатерина – в гимназиях. После смерти мужа в феврале 1908 г. она осталась «с пятерыми детьми при самых ограниченных средствах, зарабатывая средства

⁶⁵ Там же. Л. 52-53, 63-64. 80-81; Устав Иваново-Вознесенской городской богадельни им. И.В. Небурчилова. Иваново-Вознесенск, 1911. С. 3-11.

⁶⁶ Там же. Л. 75-76, 111.

⁶⁷ Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1303. Л. Л. 82 об.

⁶⁸ Там же. Л. 75 об.-76.; Там же. Д. 1532. Л. 24 об.

⁶⁹ Там же. Л. 122.

⁷⁰ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5865. Л. 184-193.

на образование своим трудом». Естественно, ответа на это прошение не последовало, поскольку выплаты стипендий планировались лишь начиная со следующего учебного года: капитал на стипендии был внесен душеприказчиками 17 сентября 1911 г.⁷¹

Наиболее стремительно на предложение о капитале отреагировало начальство торговой школы: уже 16 сентября 1911 г. ее педсоветом к получению стипендий были рекомендованы ученики 3 кл. – Василий Пахров и 2 кл. – Василий Клубышев, а 4 октября обе эти кандидатуры были утверждены городскими властями. На заседании 22 ноября 1911 г. Думой была утверждена также кандидатура учащегося 2 кл. механико-технического училища Якова Боброва, выдвинутая педсоветом училища 4 ноября 1911 г.⁷² А на заседании 2 декабря «отцам города» были представлены стипендиаты, избранные педсоветами реального училища (23 сентября 1911 г.), школы колористов (16 сентября 1911 г.) и женской гимназии (15 ноября 1911 г.). Только здесь городские власти спохватились, что поскольку на стипендию выдвигается лишь по одному кандидату – Дума не может осуществить свое право избирать их из нескольких лиц. Последовала просьба представить по несколько кандидатов на каждую стипендию, со сведениями об их успехах в учебе, а также материальном положении. Училищное начальство понимало это требование далеко неодинаково: на одних кандидатов представлялись только сведения об успеваемости, на других – краткие сведения о родителях, а в ряде случаев в Думу пересылались оригиналы прошений о стипендиях, поступавших в училища.⁷³

Таким образом поступило начальство Иваново-Вознесенской мужской гимназии: 31 января 1912 г. ее директор препроводил в городскую Думу пять прошений на потенциальных стипендиатов, с приложением сведений об их учебных успехах, «поведении, внимании и прилежании». Кандидатами оказались ученики 2 кл. Николай Секирин, Виталий Журавлев, Сергей Лебедев и Александр Малков, а также обучавшийся в 3 кл. Николай Зубков. Родитель Лебедева Александр Андреевич не хотел оставлять сына «на полдороге начатого образования». В этом году он уволился с фабрики Товарищества И. Гарелина и перебрался на работу в Москву. Финансовое благополучие семьи (жена и четверо детей) подорвала его 7-месячная безработица, болезнь жены и переезд в Москву. Кроме того, он остался должен прежнему работодателю 800 руб., выплачивая по 25 руб. в мес. У П.Л. Секирина кроме сына Николая, учившегося в гимназии, образование получали еще двое детей – сын в реальном училище, а дочь – в женской гимназии. У М.В. Журавлева в различных учебных заведениях и вовсе обучалось 5 детей из 8, а сам он в свои «преклонные лета» (61 год), остался уже без постоянного заработка. 47-летний гравер Куваевской мануфактуры В.С. Малков имел 11 детей. Шестеро из них обучались: 21-летний Владимир уехал в Санкт-Петербургский политехнический институт, а в Иваново-Вознесенске, кроме гимназиста Николая, учились еще два сына (в реальном и начальном училищах) и две дочери (в гимназии). Один из сыновей (17-летний Николай) пошел по отцовским стопам, поступив на работу на Куваевскую мануфактуру. Мать Николая Зубкова, вдова А.Л. Зубкова, осталась без средств после смерти мужа и проживала на фабрике наследников Н.Ф. Зубкова. Принимая во внимание успехи в учебе, педсовет гимназии 30 января 1912 г. выдвинул в качестве главных кандидатур на получение стипендии Виталия Журавлева и Александра Малкова. Но Дума в данном случае проявила волю, сменив одного кандидата: на ее заседании 14 февраля 1912 г. закрытой

⁷¹ Там же. Оп. 2. Д. 569. Л. 22-38, 54-61, 72, 77-78.

⁷² Там же. Оп. 1. Д. 4749. Л. 1, 4, 10; Там же. Д. 4804. Л. 1-1 об.

⁷³ Там же. Д. 4749. Л. 7, 7, 12-14.

баллотировкой вторым стипендиатом, вместе с Малковым, был избран Сергей Лебедев (видимо, на депутатов оказало должное воздействие душещипательное прошение его отца).⁷⁴

На педсовете в реальном училище 12 декабря 1911 г. потенциальными стипендиатами были избраны: Александр Рязанов (1 кл.), Николай Делюсин (2 кл.), Виктор Кочергин (3 кл.) и Александр Кондаков (4 кл.), а от школы колористов были выдвинуты всего три ученика – Сергей Захаров, Петр Борисов и Николай Удалов. В женской гимназии 12 декабря 1911 г. для получения стипендии были избраны: Варвара Секирина (5 кл.), Лидия Кабатова, Зоя Гусева и Антонина Голубева (все – 4 кл.). 14 февраля 1912 г. на основе представленных сведений об успеваемости Дума выделила стипендии в реальном училище – Рязанову и Кочергину, в школе колористов – Захарову и Борисову, а в женской гимназии 14 марта – Голубевой и Кабатовой. Таким образом, полностью был поддержан лишь выбор педсовета школы колористов (третий кандидат, Николай Удалов, оказался уж слишком плох). В остальных случаях Дума меняла первоначальное решение педсовета – в реальном училище вместо Николая Делюсина стипендию получил Виктор Кочергин, а женской гимназии вместо Варвары Секириной – Антонина Голубева.⁷⁵ Кстати, одно прошение об обучении в гимназии поступило непосредственно в управу: 5 февраля 1912 г. в гласный управы П.Н. Голиков просил выделить стипендии его дочери Клавдии, поступившей в 1 кл. женской гимназии. Он жаловался на скромное жалование и расстроенное здоровье, которое не позволяет ему содержать четверых детей. Старший из них страдал неизлечимым недугом и обучался в Санкт-Петербурге в школе глухонемых. «Родительский долг» при этом требовал от него «дать образование своим детям, как залог будущего счастья и воспитать честных граждан, как для общества, так и для государства». Впрочем, это прошение, как поданное не по адресу, осталось без ответа.⁷⁶

В городском четырехклассном училище 19 декабря 1911 г. кандидатами на стипендию были избраны ученики 1 кл. Петр Делюсин и 2 кл. Павел Григорьев. А когда Дума в ответ потребовала увеличить число кандидатов, педсовет 12 февраля 1912 г. сообщил, что «иных кандидатов на стипендию, подходящих под правила, указать не представляется возможным», так что Думе пришлось 28 февраля 1912 г. утвердить эти кандидатуры, возбудив одновременно ходатайство об изменении положений о стипендии «в том смысле, что к уроженцам Иваново-Вознесенска должны принадлежать только стипендиаты, а не их родители». ⁷⁷ Последнее положение, как видно, сильно сужало круг потенциальных стипендиатов в учебных заведениях города, стремительно пополнявшегося выходцами из разных местностей Российской империи. Вследствие таких послаблений в следующем году в механико-техническом училище на одну свободную стипендию обнаружилось сразу 7 кандидатов: на педсовете 16 ноября 1912 г. были названы Михаил Пономарев, Александр Игнатичев, Иван Козлов, Андрей Пошехонов, Иван Репин, Иван Блескин и Александр Забаев. Городская Дума 12 февраля 1913 г. остановила выбор на Игнатичеве. Через год число кандидатов на свободную стипендию (освободившуюся после выпуска Якова Боброва), снизилось до троих претендентов: прошения о выдаче стипендии направили мещане А.А. Щудров, Е.С. Щиброва и Е.И. Ковалева. Но педсовет училища, на заседании 25 ноября 1913 г. рассмотрев «успехи» возможных кандидатов – учеников Ивана Щиброва, Николая Щудрова

⁷⁴ Там же. Оп. 2. Д. 595. Л. 1-21, 27.

⁷⁵ Там же. Л. 26, 29-31, 33, 40-44.

⁷⁶ Там же. Л. 34-35.

⁷⁷ Там же. Л. 22-25, 36.

(оба – 1 кл.) и Михаила Ковалева (4 кл.) – не признал возможным представить их Думе на утверждение (средний балл у Щудрова составил 2,7, у Щиброва – 3,2, а у Ковалева – 2,6). Но Думой все же избрала «лучшего из худших» кандидатов – на ее заседании 20 декабря 1913 г. стипендиатом был назван Иван Щибров. Торговая школа 22 ноября 1912 г. вместо окончившего курс стипендиата Сергея Пахрова представила нового – третьеклассника Василия Невейкина, а после просьбы о расширении числа кандидатур, 6 февраля 1913 г. дополнила список первоклассником Георгием Серебряковым. Средний балл у первого был несколько выше, чем у второго (3,5 против 3,3). Невейкин воспитывался теткой, получающей жалование 20 руб. в мес., а Серебряков – матерью-портнихой. Кроме ремесла, доход ей приносили сдаваемые в доме комнаты (9 руб. в мес.) и фабричное пособие на двух детей (5 руб. в мес.). 12 февраля 1913 г. городская Дума согласилась с выбором педсовета, избрав в стипендиаты Василия Невейкина.⁷⁸

А вот строительство городской заразной и детской больницы оказалось проектом долгоиграющим и весьма непростым в реализации. Уже в ноябре 1910 г. душеприказчиками были запрошены статистические сведения о заболеваемости в городе заразными болезнями за последние 4 года. А в феврале 1911 г. были составлены вопросные листы, разосланные ведущим городским врачам и членам общественного управления. В них предлагалось дать заключение «о необходимом числе отделений заразной больницы, размерах отделений по каждому роду болезни как для взрослых, так и для детей». Эти листы требовалось вернуть душеприказчикам к 26 февраля 1911 г. Первое обсуждение проекта больницы состоялось на соединенном совещании городской управы и медицинской комиссии уже 25 февраля 1911 г. На него прибыли заступающий место городского головы П.Г. Кашинцев, пять думских гласных, двое членов управы и шестеро врачей (Н.А. Фролов, А.Е. Напалков, П.А. Алявдин, М.Н. Красовский, М.М. Взоров, и С.И. Польшковский). Отметим, что врачом был и один из думских гласных, К.И. Дементьев. Таким образом, в обсуждении больничного проекта принял участие весь цвет иваново-вознесенской медицины. Были намечены размеры будущих отделений больницы: скарлатинное – 25 коек, сифилитическое – 15, коревое, туберкулезное, тифозное – по 10, дифтеритное, оспенное, дизентерийное, рожистое – по 5. Также 3 койки планировалось выделить на «сомнительный» барак, и еще 2 – на «смешанный». Таким образом, было запланировано обслуживание 95 «заразных» коек, причем предполагалось, что «нет надобности строить отдельные помещения для больных заразными болезнями детей». Эти койки должны были разместиться в пяти бараках (туберкулез; скарлатина; оспа и сифилис; корь, дифтерия и рожа; дизентерия, смешанный и сомнительный). Кроме того, планировалось строительство запасного барака, отдельной приемной для больных, прачечной и бани, а также дезинфекционной камеры. Последняя должна была «обслуживать не только нужды больных, но и всего города ввиду отсутствия этого учреждения». Вопрос о кухне, помещении для прислуги и квартирах для служащих пока остался открытым. Детская больница была задумана в более скромном размере – 20 коек для терапевтических больных и 5 для хирургических. А от устройства специальной детской амбулатории и вовсе было решено отказаться.⁷⁹

Эти соображения были изложены на совместном собрании душеприказчиков с участием П.Г. Кашинцева и городских врачей, состоявшемся уже через три дня, 28 февраля 1911 г. в 3 часа дня в доме Н.Г. Бурылина. На это заседание прибыл еще более обширный

⁷⁸ Там же. Л. 46-53, 58-62.

⁷⁹ Там же. Д. 569. Л. 15-18, 39-48.

«медицинский десант» – кроме участников собрания 25 февраля, его пополнили врачи больницы для мастеровых и рабочих М.М. Романов, К.И. Протопопов, П.Ф. Францев, А.П. Иванов и Г.И. Смирнов, а также врачи Куваевской больницы П.А. Фролов, В.В. Можевитин, Б.Ф. Лебедев и В.К. Кордэ. Назначение барачных бараков было серьезно пересмотрено. Неизменным остался скарлатинный барак (количество коек в нем было увеличено до 26: 4 – для взрослых и 22 – для детей), а также коревой (10 коек) и рожистый (5 коек). При последнем должен был располагаться изолированный сифилитический барак (количество коек в нем было снижено до 10). Число коек в дифтеритном бараке было, напротив, увеличено до 10 (2 – для взрослых и 8 – для детей). При нем планировалось разместить и смешанный барак на 5 коек. «Сомнительный барак» должен был вмещать 4 однокочных изолятора. Таким образом, были проигнорированы оспа, тиф, туберкулез и дизентерия. Зато «на случай могущих вспыхнуть больших эпидемий» планировалось соорудить двух 20-кочных запасных барачных бараков. При больнице необходимо было выстроить целый ряд дополнительных помещений: сторожку, баню, конюшню и каретный сарай, погреба, общую кухню. Отдельный дом для квартир служащих включал квартиру главного врача с пятью комнатами, небольшую квартиру смотрителя и помещение для восьми фельдшеров с общей столовой. Отдельное помещение устраивалось еще для 15 служащих (сиделок) – также с общей столовой. Наконец, больничный комплекс включал морг и часовню, а также помещения для центрального отопления. При отдельной прачечной устраивались две дезинфекционные камеры: паровая и паро-формалиновая. Вокруг больницы планировался «санитарный пояс» шириной почти в 15 м, «на котором должны быть разбиты аллеи и высажены деревья». Были высказаны и соображения относительно внутреннего устройства палат. На каждого больного должно было приходиться 38,8 куб. м воздуха, площадь на койку составляла 8 кв. м, а высота палат планировалась не менее 4,2 м. Все постройки возводились из кирпича, с бетонными потолками и перегородками, также «желательным» представлялось устройство для всех зданий пароводяного центрального отопления и вентиляции. Относительно детской больницы дискуссии вызвало лишь соотношение хирургических и терапевтических коек – было внесено предложение число увеличить число первых до 10 за счет сокращения терапевтических до 15.⁸⁰

Итоги этого совещания были доложены городской Думе 8 марта 1911 г. Стоимость сооружения заразной больницы душеприказчики определяли в 324 тыс. руб., детской больницы – в 60 тыс. руб. На «обзаведение» больниц необходимым оборудованием планировалось потратить скромную сумму в 16 тыс. руб. А 500 тыс. руб. должны были составить неприкосновенный капитал, годовые проценты с которого (до 19 тыс. руб.) предназначались для содержания больниц. Возник естественный в такой ситуации вопрос о том, в какую сумму содержание столь масштабных медицинских учреждений обойдется городскому бюджету. Н.Г. Бурялин предполагал, что вместе с процентами с 500-тысячного капитала «будет достаточно сумм, которые город затрачивает на борьбу с эпидемиями». Это вызывало определенные сомнения, но на тот момент думские гласные оказались захвачены всеобщей эйфорией, заявив, что «город не остановится перед небольшими приплатами к тому, что уже расходует на борьбу за заразными болезнями». Было постановлено выразить полное согласие на осуществление предложений душеприказчиков и «благодарить их за ясное понимание городских нужд и за меры, направленные к их удовлетворению».⁸¹

Вскоре (27 марта 1911 г.) состоялось собрание душеприказчиков по поводу выбора

⁸⁰ Там же. Л. 49-51, 65-66.

⁸¹ Там же. Л. 63-64.

места для постройки больниц. Наиболее удобным был признан участок, прилегающий к старой городской больнице параллельно ул. Благовещенской (размером 5,46 га). Душеприказчики немедленно объявили конкурс на лучший проект постройки больницы. Проект устройства больницы, разработанный на заседании 28 февраля 1911 г., был размножен типографским способом и 27 марта разослан всем, изъявившим желание принять участие в конкурсе (более 100 лиц) с планом земельного участка, отведенного под строительство. При этом проект был несколько расширен и дополнен. В частности, согласно ему детская больница должна была включать 20 коек в терапевтическом отделении и 10 – в хирургическом. В ней обязательно предусматривалась приемная, операционная, кабинет врача и комната фельдшера, а также помещение для жилья 4-х сиделок. Вознаграждение победителю составляло 2 тыс. руб., обладателю 2-го места – 1 тыс. руб., а 3-го места – 500 руб. Объявление о конкурсе было дано в целый ряд авторитетных изданий: «Новое время», «Речь», «Русское слово», «Русские ведомости», «Архитекторское издание» и естественно, «Ивановский листок». А 1 июля 1911 г. душеприказчики информировали участников, что к проекту необходимо приложить еще и строительную смету. Они отмечали, что составление проекта постройки детской больницы будет обязанностью тех, кто получит премии за проект заразной больницы. На бланках рассылалось это обращение с указанием цен на строительные материалы в Иваново-Вознесенске.⁸²

К 1 октября 1911 г. было получено 16 проектов. Для их оценки через Московское архитектурное общество были приглашены специальные эксперты – А.А. Латков и А.Е. Сергеев (они получили за экспертизу по 150 руб.). Если второй был малоизвестным архитектором, то Александр Афанасьевич Латков (1863-1949) являлся весьма известным зодчим, специализировавшимся на проектах церковных построек в русском стиле. Их заключение было зачитано на собрании жюри 22 декабря 1911 г., посвященном присуждению премии за лучшие проекты. В состав высокой комиссии, кроме душеприказчиков Небурчилова, вошли городской голова Н.С. Лаханин, врачи А.Е. Напалков и С.И. Польшковский, гласные Думы И.А. Кулаков и В.П. Малахов. Также на собрание были приглашены владимирский губернский архитектор С.Н. Федоров, иваново-вознесенский городской архитектор С.В. Напалков, архитектор Строгановского училища А.А. Галецкий, и главные врачи двух главных городских больниц (мастеровых и Куваевской) – К.И. Дементьев и Н.А. Фролов. После того, как был зачитано заключение московских экспертов, «частично согласясь с ним, а частично и разойдясь», собравшиеся решили 1-ю премию присудить проекту под девизом «Золотое Яблоко» (за авторством известных архитекторов Д.П. Сухова и П.А. Ушакова), 2-ю – проекту «Лира» (архитектора П.А. Трубникова), а 3-ю – проекту А.И. Клейна и А.В. Розенберга.⁸³

Между тем в городе назревал вопрос о расширении родильного приюта. В докладе на собрании городского Медицинского общества 5 марта 1909 г. врач А.Е. Напалков констатировал, что в течение последних двух лет в городском приюте в среднем находились 18 женщин (при 16 штатных койках), а в Гарелинском родильном приюте в 1908 г. в нем в среднем находилось также 18 «родильниц» (при 10 штатных койках). Исходя из этого, он заключил, что «приюты достигли крайних пределов деятельности и даже перешли их в ущерб оказываемой пользе». Но даже при этом в 1907 г. из всех родившихся в городе детей (4573 чел.) приютами было принято лишь половина (49,47%). Наиболее целесообразным выходом

⁸² Там же. Л. 73, 83, 92, 96-98, 154-163

⁸³ Там же. Л. 131-133 об.

из ситуации Напалкову представлялось открытие 3-го родильного приюта.⁸⁴ Председатель Медицинского общества П.А. Алявдин направил доклад коллеги городскому голове Н.Г. Бегену 10 июля 1909 г. А в следующем году тревогу забил заведующий Гарелинским приютом – врач В.К. Кордэ. 28 февраля 1910 г. он сообщал М.А. Гарелиной, что при наличии 10 штатных коек, в приюте в среднем в нем находилось 20 женщин, а иногда число их доходило до 40. Сопроводив это письмо в управу 17 марта 1910 г., М.А. Гарелина предлагала перевести родильный приют в помещение старой городской больницы, которое должно было освободиться в результате открытия больницы им. Х.И. и Е.О. Куваевых (начала работу 17 апреля 1910 г.).⁸⁵ Вновь проблема расширения городского приюта поднималась в докладной записке о нуждах родильного приюта, направленной А.Е. Напалковым в Думу 29 сентября 1911 г. Он сообщал, что здание действующего городского приюта рассчитано на 500 родов в год, тогда как в 1910 г. было произведено 1686 родов. Эта записка была доложена на заседании врачебно-санитарной комиссии 12 октября 1911 г. Расширение здания существующего приюта было признано невозможным по техническим причинам. А строительство нового здания (на 40 коек) было невозможно без дополнительных источников финансирования, поскольку переполненный текущими расходами городской бюджет потянуть его никак не мог. В этой ситуации и было решено обратиться к душеприказчикам И.В. Небурчилова.⁸⁶

Здесь впервые прозвучало мнение, что предполагаемые душеприказчиками ассигнования на обеспечение заразной и детской больниц (проценты с капитала в 19 тыс. руб. и городские «эпидемические» суммы в 8 тыс. руб.) отнюдь не покроют реального расхода на их содержание, вследствие чего «функционирование этих больниц в полном объеме окажется невозможным». В связи с этим врачебно-санитарная комиссия предложила отказаться от устройства детской больницы, сократить размеры заразной (до 75 коек), а на освободившиеся средства устроить родильный приют, приняв его на содержание городского бюджета. Существующее здание приюта планировалось отдать под запасные заразные бараки. Мотивировалось это тем, что «в открытии детской больницы такой острой нужды, как в родильном приюте, не ощущается». Уже 26 октября 1911 г. это предложение поддержала городская Дума. Один из ее гласных, В.А. Дилигенский (он являлся поверенным душеприказчиков И.В. Небурчилова), внес контрпредложение – не отказываясь от постройки детской больницы, сократить размеры обеих больниц на 40 коек и на освободившиеся средства устроить приют. Но мнение это поддержано не было, поскольку в таком случае «повисал в воздухе» вопрос о недостаточном содержании больниц, озвученный на заседании врачебной комиссии 12 октября 1911 г.⁸⁷

Таким образом, к исходу 1911 г. небурчиловские душеприказчики оказались перед дилеммой – с одной стороны, был уже разработан проект и смета на постройку заразной больницы, с другой – городские власти предлагали радикально изменить его, выделив освободившиеся суммы на сооружение нового родильного приюта. Участок для больницы был обмежеван 13 и 25 апреля 1912 г. В межевании приняли участие архитектор П.А. Трубников, члена управы А.И. Трофимов, городской инженер И.И. Керпе и землемер А.П. Конюхов.⁸⁸ 5 июля 1912 г. душеприказчики доложили городской Думе о результатах своего решения. Они постановили построить общую городскую больницу им. И.В. Небурчилова (предназначенную

⁸⁴ Напалков А.Е. К вопросу об акушерской помощи в Иваново-Вознесенске. Иваново-Вознесенск, 1909. С. 3-20.

⁸⁵ ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4512. Л. 1-3 об.

⁸⁶ Там же. Л. 10-15 об.

⁸⁷ Там же. Л. 18.

⁸⁸ Там же. Оп. 2. Д. 569. Л. 109, 110, 115, 116.

как для взрослых, так и для детей), взяв за основу проект-победитель под девизом «Золотое яблоко», «причем не меняя существа проекта, уменьшить число коек до 75». А два запасных корпуса на 40 коек они предполагали «приспособить на 45 коек для терапевтических и хирургических больных». В эти корпуса предполагалось перевести больных из старой городской больницы. В таком случае старое здание больницы можно было использовать для расширения родильного приюта. Вопрос о детской больнице и амбулатории вплоть до постройки общей больницы оставался открытым. Душеприказчики предоставляли Думе окончательный проект постройки и смету, составленную впрочем, не автором проекта, а «приглашенным художником-архитектором П.А. Трубниковым». Строительство зданий и коммуникаций (электричество, отопление, вентиляция, канализация и водопровод) должно было обойтись в 410-420 тыс. руб., устройство участка (забор, решетка, тротуары, дорожки, асфальтовые переходы, водостоки, деревья) – в 24 тыс. руб., а оборудование больницы – в 30 тыс. руб. Таким образом, стоимость больницы увеличилась сравнительно с первоначальным проектом почти на 150 тыс. руб. Вскоре у Думу поступили 9 чертежей проекта под девизом «Золотое яблоко» и 10 чертежей разработанного на его основе проекта П.А. Трубникова со сметами к ним.⁸⁹

Уже через неделю, 12 июля 1911 г. это предложение рассматривалось на очередном заседании врачебно-санитарной комиссии. Ее мнение гласило, что для улучшения медицинского дела в Иваново-Вознесенске, необходимо устроить, прежде всего, заразную больницу и увеличить размеры родильного приюта. На втором плане – строительство амбулатории, и лишь на третьем – терапевтико-хирургической больницы. Главным аргументом было значительное увеличение содержания новой терапевтико-хирургической больницы: если старая больница по смете на 1912 г. обходилась городскому бюджету в 8351 руб., то содержание новой (на 45 коек) – по самым скромным подсчетам должно было оставить 22,5 тыс. руб. Еще больше сложностей вызывал вопрос о переустройстве здания старой больницы под родильный приют, решение которого требовало также значительных денежных вложений. С этой целью специальная комиссия 25 июля 1912 г. произвела осмотр городской больницы, выяснив, что «обращение здания старой больницы под родильный приют вызовет затраты на приспособление здания, которые не оправдаются выгодами» (размер приюта увеличивался лишь на 11 коек). На новом заседании врачебно-санитарной и финансовой комиссий 26 июля 1912 г. приводились следующие данные: в Куваевской больнице при 95 койках в среднем ежедневно занято 70, в старой больнице – при 20 койках занято 18, а в родильном же приюте при 16 койках – 24. Эти факты неопровержимо свидетельствовали, что «острой нужды в устройстве терапевтико-хирургической больницы не ощущается», тогда как приют требовал немедленного расширения (до 40 коек). При этом со строительством нового родильного приюта старый мог быть приспособлен под амбулаторию. В связи с этим было решено от прежнего мнения не отступать, поддержав предложения, выдвинутые 26 октября 1911 г.⁹⁰

На следующее заседание врачебно-санитарной и финансовой комиссий, состоявшееся 12 августа 1912 г., были приглашены душеприказчики Небурчилова. Прибыть на него они не смогли – С.Н. Полушин отсутствовал, а Гарелин, Зубков и Д.Г. Бурьлин отбыли на земское собрание в Шую. Свое мнение они изложили в специальном письме от 1 августа 1912 г. Душеприказчики согласились отказаться от строительства хирургического корпуса, оставив

⁸⁹ Там же. Л. 131-133 об., 149.

⁹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 4512. Л. 26-29.

лишь терапевтический (на 20 коек), построить амбулаторию и отпустить на строительство родильного приюта 30 тыс. руб. с тем, чтобы ему было присвоено имя И.В. Небурчилова. Таким образом, решался вопрос об увеличении городских расходов на содержание больницы. Амбулаторию было решено устроить в корпусе № 7, уменьшив его размер. После строительства терапевтического корпуса в него можно было перенести старую больницу, а помещение городской обратить на нужды города. Это предложение было принято городскими властями 7 августа 1912 г.⁹¹ Через 10 дней была создана Комиссия для разработки проекта расширения приюта, в которую вошли 5 городских врачей (А.Е. Напалков, П.А. Алявдин, К.И. Дементьев, В.К. Корде и С.И. Польшковский). Проект расширения приюта был представлен ей 14 ноября 1912 г. Старое здание приюта предполагалась полностью отвести под послеродовое отделение, увеличив число коек в приюте с 16 до 24. 29 марта 1913 г. проект перестройки приюта стоимостью в 30 тыс. руб. был утвержден Владимирским губернским правлением. В мае смета была повышена до 38,5 тыс. руб., а поскольку душеприказчики Небурчилова выделить дополнительную сумму на строительство отказались, решением Думы 18 июня 1913 г. число коек в приюте было сокращено до 22, что удешевило работы. Они были закончены лишь летом 1914 г. Таким образом, длительные обсуждения проекта расширения родильного приюта привели к ничтожным ассигнованиям, которые позволили увеличить его вместимость лишь на 6 коек.⁹²

Планы и чертежи нового проекта заразной больницы были представлены душеприказчиками в Думу 15 ноября 1912 г. Подряд на строительство больницы получила контора М.К. Млынарского, приступившая к подготовительным работам в середине марта 1913 г. Строительство корпусов больницы было оценено в сумму 298 тыс. руб., устройство отопления и вентиляции с котельной – 119 тыс. руб., водопровода и канализации – в 34 тыс. руб., электрического освещения – в 13 тыс. руб. Закладка Небурчиловской больницы была назначена на 23 апреля 1913 г.: она должна была начаться в 11-30, после окончания литургии в Покровском соборе. Приглашения на это знаменательное событие получили все гласные городской думы и члены управы.⁹³ За строительством больницы наблюдал архитектор П.А. Трубников, получавший жалования 333 руб. в мес.⁹⁴ Таким образом, первое озвучивание плана строительства больницы от ее закладки отделили два с половиной года, вместившие горячие прения по проекту между медицинской общественностью, душеприказчиками и городскими властями. В ходе дискуссий грандиозные планы душеприказчиков постепенно «съезжались» и не в последнюю очередь по той причине, что у городских властей просто не было свободных средств для содержания столь обширных медицинских учреждений. Но Небурчиловской больнице так и не суждено было открыться после окончания постройки. В июле 1914 г. грянула Первая Мировая, и внутреннее положение в России стало стремительно меняться. Не обошли стороной эти изменения и Иваново-Вознесенск. Уже 27 сентября 1914 г. небурчиловские душеприказчики сообщали городским властям что Общество фабрикантов и заводчиков обратилось к ним с просьбой ускорить отделку корпусов № 2, 4 и 7, в которых планировалось разместить лазарет для больных и раненых воинов. Впрочем, планам фабрикантов не суждено было осуществиться. 30 сентября 1914 г. состоялось постановление городского распорядительного комитета, согласно которому корпуса № 2, 5 и 7 были

⁹¹ Там же. Оп. 2. Д. 569. Л. 138-141.

⁹² Там же. Оп. 1. Д. 4512. Л. 32, 34, 57, 87, 91, 93-93 а.

⁹³ Там же. Оп. 2. Д. 570. Л. 6-8, 19-21 об.

⁹⁴ Там же. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1303. Л. 86 об.-96 об.

отведены под расквартирование воинских частей.⁹⁵

На совещании 4 ноября 1914 г. душеприказчики постановили, что все работы по отделке этих корпусов должны быть приостановлены – они передавались городскому управлению в том виде, в каком находились к этому моменту. Для описи их были уполномочены Д.Г. Бурылин, П.А. Трубников и поверенный душеприказчиков В.А. Дилигенский, а также его помощник В.А. Гуськов. По этой описи городское управление должно было сдать корпуса обратно строителям «по миновании в них надобности». От городской управы для осмотра были направлены И.К. Мужжавлев и исполняющий обязанности городского инженера П.А. Барсков. 19 ноября 1914 г. объединенной комиссией был произведен осмотр недостроенных больничных корпусов № 1, 2, 3, 6, 7, 10. В большинстве зданий все основные работы были закончены. Не окончены оказались лишь работы по подключению электрического снабжения, водопровода и канализации (их по договору с конторой Млынарского планировалось завершить к 1 мая 1915 г.). Всего контора Млынарского согласно счету выполнила работы на сумму 411,2 тыс. руб. (общая смета составляла 475 тыс. руб.). Техническое обслуживание переданных под казармы корпусов и наблюдение за их отоплением приняла на себя подрядчик – строительная контора М.К. Млынарского. Чердаки, клозеты, ванны и хирургические комнаты были заперты. Вскоре под казармы для нижних воинских чинов был отдан и корпус № 4 – соответствующее постановление Иваново-Вознесенского распорядительного комитета последовало 26 февраля 1915 г.⁹⁶

А вскоре забила тревогу строительная контора – закрытие клозетов привело к тому, что проживавшие в больничных корпусах солдаты 199-го запасного пехотного полка стали использовать для отправления естественных потребностей прилегающую территорию. Согласно заявлению конторы М.К. Млынарского от 19 февраля 1915 г., занятые под казармы здания оказались «в очень антисанитарных условиях». В котельных помещались жены солдат (большинство которых было уроженцами Шуйского уезда). Полы в них застилались соломой, «которая промокла, гниет и издает зловоние». В отхожее место была превращена котельная при корпусе № 10, испражнениями были загажены пустые корпуса № 4, 5, 9 и 11. Это вызвало справедливые опасения, что «при наступлении теплой погоды» воздух в казармах «будет невозможным». Судя по всему, воинское начальство приняло своевременные меры по устранению указанных в этом заявлении недостатков, поскольку осмотр казарм, проведенный 12 марта 1915 г. городской комиссией выявил, что их санитарное состояние вполне удовлетворительное. Правда, представитель строительной конторы М.П. Вонсович протокол этот подписать отказался.⁹⁷ А вскоре между душеприказчиками и городскими властями возник конфликт относительно расходов на охрану материалов при недостроенных корпусах, перерасход на работы по достройке больницы (поскольку цены постоянно росли) и приведение в порядок корпусов после вывода солдат. В заявлении от 10 апреля 1915 г. душеприказчики просили принять все эти расходы на счет городского управления. Но Дума на экстренном заседании 9 июля 1915 г. решила отнести эти расходы на небурчиловский капитал. Аргументировалось это решение тем, что «перерасход вызван обстоятельствами, которые городское управление предотвратить не имело возможности». Кроме того, вследствие чрезвычайных военных расходов, городская касса оказалась пуста.⁹⁸

⁹⁵ Там же. Оп. 2. Д. 570. Л. 37-39.

⁹⁶ Там же. Л. 40-43, 53-54 об.

⁹⁷ Там же. Л. 44-47.

⁹⁸ Там же. Л. 55-57.

Следует заметить, что передача почти готовой Небурчиловской больницы под казармы уже в следующем году привела к нехватке медицинских помещений для жителей города. Городская врачебно-санитарная комиссия забила тревогу, посвятив обсуждению этого вопроса заседания 16 февраля и 4 марта 1916 г. В результате 28 апреля Иваново-Вознесенская дума приняла решение «о скорейшем открытии новых отделений для заразных больных». На заседании врачебно-санитарной комиссии 16 мая 1916 г. в качестве нового отделения городской заразной больницы по результатам осмотра врачом А.Е. Напалковым был избран 2-этажный каменный дом Алтуховой по Павловской ул. Предполагалось устроить в нем больницу на 2 инфекции по 10 коек каждую. На устройство ее одновременно требовалось 7120 руб., а ежегодный расход на содержание учреждения должен был составить 9530 руб. Но отсутствие у города необходимых средств помешало открытию. 14 июня 1916 г. городская Дума обратилась с предложением к Объединенной комиссии по призрению беженцев с предложением о «взаимном лечении городских больных в лечебнице Объединенной комиссии и больных беженцев – в городских больницах». Впрочем, лечебница Объединенной комиссии лишь предполагалась к устройству, но так и не открылась.⁹⁹

Декретом ВЦИК «Об аннулировании государственных займов» от 21 января 1918 г. все займы, «заключенные правительствами российских помещиков и российской буржуазии» объявлялись аннулированными. В связи с этим Иваново-Вознесенская городская управа, обсудив вопрос о капитале Небурчилова на заседании 17 февраля 1918 г., признавала, что наиболее целесообразным для душеприказчиков будет перевести небурчиловский капитал в ее распоряжение. В ответ те 29 апреля 1918 г. сообщали, что согласны передать его городским властям при соблюдении ими назначения капитала, предусмотренного постановлениями душеприказчиков. Всего, согласно заявлению от 22 февраля 1918 г., что наличных денег на текущих счетах на достройку и обеспечение больницы им И.В. Небурчилова осталось 65,2 тыс. руб., а ценных бумаг – на 596,8 тыс. руб. В приложенном к заявлению от 29 апреля 1918 г. «Кратком обзоре выполнения душеприказчиками И.В. Небурчилова воли завещателя», они отмечали, что после передачи больничных корпусов под солдатские казармы, пять раз (с октября 1914 по октябрь 1915 гг.) ставили городскую управу в известность о необходимости возобновления работ, но так и не смогли приступить к нему «до настоящего времени».¹⁰⁰ Так небурчиловский капитал оказался в распоряжении советской власти. Проживавший в Небурчиловских казармах пехотный полк вскоре был расформирован, а больничные здания приспособлены под квартиры для преподавателей Иваново-Вознесенского политехнического института, открытого в августе 1918 г. Основное предназначение было возвращено им лишь в ноябре 1929 г., когда в них была размещена вновь открытая первая городская больница.¹⁰¹

Надо сказать, что внушительный объем пожертвований И.В. Небурчилова все же так и не вывел его в число наиболее значимых фигур Иваново-Вознесенска. После торжественных похорон и поминальных мероприятий в 1910 г. (как мы помним, обошедшихся в 8,7 тыс. руб.), в 1911 г. на поминальные мероприятия Небурчилова было истрачено всего 180 руб., а в 1912 г. – 200 руб.¹⁰² Небурчилов поразил ивановское общество миллионным наследством – но так и остался для него странным чудачком, а вовсе не мессией, показавшим «новый путь» местной буржуазии и уже тем более пролетариату. Даже глава душеприказчиков, Н.Г. Бурылин, практически ничего не знал о человеке, наследством которого столь уверенно распорядился. Об отношении

⁹⁹ Там же. Д. 749. Л. 1-8 об.

¹⁰⁰ Там же. Д. 570. Л. 98-98 об., 103-105, 111-113.

¹⁰¹ Тихомиров А.М. Иваново. Иваново-Вознесенск. Путеводитель сквозь времена. С. 214-216.

¹⁰² ГАИО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1303. Л. 52 об., 87 об.

городского общества к памяти крупнейшего своего благотворителя свидетельствует статья о годовщине со дня его смерти, опубликованная в «Ивановском листке». Тот же священник А.И. Охотин, что год назад видел в небурчиловском завещании «средство к примирению бедных с богатыми», сказал весьма горькую речь, которая подвела неутешительный итог его прекраснодушным иллюзиям. Он оказался «до глубины души возмущен тем отношением к памяти покойного» – в годовщину со дня смерти Небурчилова на панихиде не оказалось ни представителей города, ни душеприказчиков, не заказывался даже поминальный обед. Если в год смерти «у всех было на уме и на языке громадное пожертвование», то в годовщину его смерти «едва можно насчитать и 10 человек, пришедших почтить память покойного». Закончил свою речь возмущенный Охотин весьма патетически: «Мир праху твоему досточтимый Иван Васильевич! Ты сделал свое дело, твоя жертва будет зачтена на небесах, а не здесь, на земле, неблагодарными людьми!». Эта речь произвела сильнейшее впечатление на родственников Небурчилова, некоторые из которых даже впали в истерику. Действительно, на панихиде не присутствовали представители города, ее посетили лишь дворе душеприказчиков и трое служащих Куваевской мануфактуры. Впрочем, и они явились в храм с некоторым опозданием, а некоторые – даже к концу панихиды.¹⁰³

Таким образом, «небурчиловский капитал», несмотря на поражающий объем, оказался использован далеко не самым удачным образом. Стипендиальный капитал в низших и средних иваново-вознесенских учебных заведениях оказался невелик и едва обеспечивал полтора десятка учеников из нескольких тысяч.¹⁰⁴ Родильный приют, на который душеприказчиками было выделено 30 руб., оказался перестроен далеко не лучшим образом, его вместимость увеличилась весьма незначительно. Строительство грандиозной городской больницы было заморожено фактически на финальном этапе, и она была запущена в том виде, как проектировалась, лишь спустя полтора десятилетия. Куваевские рабочие вплоть до начала Первой Мировой получали лишь половину процентов от 300-тысячного капитала И.В. Небурчилова, составлявшую мизерные 4,5 тыс. руб., а последующее повышение выплат было обусловлено не доброй волей фабричного начальства, а скачкообразным ростом цен в Иваново-Вознесенске. Единственным удачным проектом оказалось строительство богадельни, открытой уже через два года после смерти И.В. Небурчилова. Таким образом, задуманный душеприказчиками широкомасштабный проект реорганизации общественной медицины в Иваново-Вознесенске, фактически, провалился. И если в этом можно винить внешние обстоятельства, то духовно-нравственное значение небурчиловского вклада, на первый взгляд, выдающееся, фактически оказалось ничтожным. И виной тому – отнюдь не внешние обстоятельства, а глубокий раскол иваново-вознесенского общества. Если еще в начале XIX в. известный мемуарист кн. И.М. Долгоруков (1764-1823) определял социальную ситуацию в селе таким образом: «в Иваново нет середины – или нищий, или богач», то в течение следующего столетия этот раскол углубился еще сильнее. Пресловутый «средний класс» в Иваново-Вознесенске оказался слишком слаб и не имел большого влияния как на «сильных мира сего», так и на фабричных рабочих. «Небурчиловский капитал» ушел в «ивановское болото», не оставив даже заметных кругов на его поверхности. Об этом свидетельствует ситуация на годовщину со дня смерти жертвователя – его память оказалась дорога лишь родственникам, а вовсе не ивановскому обществу, которое через год оказалось

¹⁰³ К годовщине смерти И.В. Небурчилова // Ивановский листок. 1911. № 88.

¹⁰⁴ По данным на 1914 г. в Иваново-Вознесенске имелось 1196 учеников в средних и 3182 ученика – в низших учебных заведениях: Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 292-293.

поглощено совсем другими заботами.

Небурчилов остался «белой вороной» в череде иваново-вознесенских благотворителей еще и по той причине, что не входил в число местной торгово-промышленной элиты ни по месту проживания (зрелые годы жизни провел в Москве), ни по средствам приобретения капитала (являлся торговцем-посредником в отличие от местных фабрикантов), ни по родственным связям (они были оборваны после отъезда в Москву его зятя Е.А. Попова и смерти другого – Я.К. Буркова). Кроме того, к этому времени в среде иваново-вознесенских фабрикантов уже сформировался собственный тип благотворительной деятельности, который справедливо будет охарактеризовать, как утилитарный. Их пожертвования (кроме традиционной церковной благотворительности) были направлены на развитие в городе профессионального образования, а также расширения медицинского обслуживания и решения жилищного вопроса – но исключительно для рабочих собственных фабрик. Деньги на общегородские нужды выделялись с огромным трудом и длительными проволочками. Следствием этого были серьезные проблемы в развитии городской инфраструктуры Иваново-Вознесенска.